

АНТИВОЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ И ИНИЦИАТИВЫ В СССР В 1950–1980-Е ГОДЫ

УДК 94(47).084.9

doi 10.17072/2219-3111-2023-4-81-92

Ссылка для цитирования: Груздинская В. С., Ковалев М. В., Тихонов В. В. Фигура историка-международника в советском миротворческом движении второй половины 1940–1980-х годов // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 4(63). С. 81–92.

ФИГУРА ИСТОРИКА-МЕЖДУНАРОДНИКА В СОВЕТСКОМ МИРОТВОРЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1940–1980-Х ГОДОВ

В. С. Груздинская

Институт всеобщей истории Российской академии наук, 119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32а
Институт российской истории Российской академии наук, 117292, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19

vik11910314@yandex.ru

SPIN-код: 9159-0472

ResearcherID: B-7752-2019

Scopus Author ID: 57219342307

М. В. Ковалев

Институт всеобщей истории Российской академии наук, 119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32а
kovalevmv@yandex.ru

SPIN-код: 5588-6431

ResearcherID: C-6747-2014

Scopus Author ID: 53984354100

В. В. Тихонов

Институт российской истории Российской академии наук, 117292, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19

Архив Российской академии наук, 117218, Россия, Москва, ул. Новочеремушкинская ул., 34.

tihonovvitaliy@list.ru

SPIN-код: 1137-0222

ResearcherID: G-5553-2016

Scopus Author ID: 55480752700

Рассматривается роль историков-международников в миротворческом движении второй половины 1950–1980-х гг., в особенности в Пагуошском движении ученых. На опубликованных материалах и архивных документах, выявленных в Архиве Российской академии наук, анализируется интеллектуальный вклад историков-международников в организационное, риторическое и идейное оформление миротворческого движения. В центре внимания авторов оказались такие знаковые фигуры, как историк дипломатии В. М. Хвостов, британист В. Г. Трухановский, арабист Е. М. Примаков, американист Г. А. Арбатов, латиноамериканист А. Н. Глинкин, африканисты А. М. Васильев и В. Б. Кокорев. Наличный материал корректирует представление о том, что исторические символы играли важную роль в советской миротворческой риторике. Представленные историки-международники выступали в первую очередь как аналитики современных им международных отношений и крайне редко использовали прошлое в качестве символического ресурса. Фигура историка-международника, выполняющего дипломатическую миссию, отражала специфику советской дисциплинарной структуры, в рамках которой международные отношения со времен Сталина вписывались в систему исторических дисциплин. Олицетворением этой традиции являлся В. М. Хвостов. В статье показано, как эволюционировала тематика Пагуошских конференций, и как менялось в зависимости от этого советское представительство в них. Если первые конференции были

посвящены, главным образом, обсуждению угрозы ядерной войны и перспектив разоружения, то впоследствии круг обсуждаемых тем заметно расширился. Например с середины 1970-х гг. в деятельности Пагуошского движения все отчетливее звучит африканская проблематика. Это требовало привлечения к участию соответствующих специалистов. В статье демонстрируется эволюция советской аналитики международных отношений, представленной на Пагуошских конференциях, от идеологизированных приемов и аналитических конструкций в духе 1940-х гг. к более современной и прагматичной аналитике, свидетельствующей о росте уровня советских историков-международников.

Ключевые слова: советское миротворческое движение, Пагуошское движение ученых, историки-международники, история международных отношений, советская историография.

Введение

Советское движение за мир и разоружение, а также участие представителей СССР в международных миротворческих организациях неоднократно оказывались объектом исследований [Егорова, 2016; Ковалев, 2020a; Ковалев, 2020b; Пивоваров, Тихонов, Шок, 2021; Рыжов, Лебедев, 2005; Тарле, 1988; Шок, Пивоваров, 2019]. Если в советской историографии миролюбивая миссия представителей Советского Союза не подвергалась сомнению, то современные исследователи подчеркивают двойственность этого явления. С одной стороны, многие участники движения действительно продвигали миротворческую повестку, и их благородные намерения и понимание важности борьбы за мир не подвергаются сомнению, но, с другой стороны, советское движение и его участники были неразрывно связаны с властью и фактически являлись инструментом советской внешней политики. Признание этого факта смещает исследовательский ракурс с благих миротворческих целей движения на несколько иной набор проблем, в частности – изучение роли властных органов в формировании идеологии советских миротворцев, анализ принципов и способов рекрутирования участников движения, выявление их мотивации и конкретного вклада, риторических стратегий «миротворцев» и т.д.

Советскую дипломатию можно разделить на государственную, т.е. реализуемую силами политической элиты и более склонную к формату *realpolitik*, и массовую (гражданскую, народную) – рассчитанную на широкое участие в ней советских граждан, направленную на мобилизацию населения и формирование общественного мнения внутри СССР и за его пределами, а также поддержание лояльности действующей власти перед лицом внешнеполитических вызовов.

В миротворческом движении активное участие принимали советские деятели культуры и ученые. Они оказывались между государственной и массовой дипломатией и должны были выступать неформальными амбассадорами СССР. Особенно активно их использовали в пропаганде мира. Именно они, имеющие априорный моральный карт-бланш от общества, должны были направить весь свой авторитет, творческие и интеллектуальные возможности на дело мира. Ученых и деятелей культуры сложно назвать независимыми акторами процесса, поскольку перед ними стояла задача продвижения актуальных советских внешнеполитических идеологем, что, впрочем, не исключало известного пространства для импровизации и самостоятельности.

В контексте советской культурной дипломатии привлечение представителей творческих интеллектуальных профессий было ключевой стратегией [Кларк, 2018; Патманов, 2021]. Если экспертная роль ведущих ученых, представлявших естественные науки, приобретшие особое значение в эпоху бурного развития технологий (в том числе и военных), была очевидна, и ей уже посвящено немало исследований [Kraft, 2022; Lüscher, 2018; Rubinson, 2011; Sembritzki, 2018; Sher, 2019], то место историков в миротворческом движении требует осмысления.

Можно с уверенностью говорить, что они не играли ведущей роли. Однако в советской культурной дипломатии большое значение играла апелляция к символическим ресурсам исторической памяти [Лонов, 2020; Советская культурная дипломатия..., 2018, с. 202–225]. Спектр образов-символов, которые советские историки должны были продвигать в условиях холодной войны, был достаточно широк, но относительно стабилен: Октябрьская революция и связанная с ней революционная коммунистическая традиция; память о решающем вкладе СССР в победу над фашизмом во Второй мировой войне; славянская солидарность; история антиколониальной борьбы и т.д. Насколько этот символический репертуар реализовывался в миротворческом

движении, особенно в рамках Пагуошских конференций, в которых было востребовано экспертное мнение самого высокого уровня? Насколько наблюдения исследователей, сделанные на материале массовой, «народной» дипломатии, можно применить к более высокому уровню? Если нет, то почему? Еще одним важным вопросом является влияние особенностей советской научно-дисциплинарной структуры на принципы рекрутирования и функции историков в миротворческом движении.

Историки и становление советского миротворческого движения

Сразу после окончания Второй мировой войны историки стали регулярно включаться в советские структуры миротворческого движения. Например, 25–28 августа 1948 г. в польском городе Вроцлаве состоялся Конгресс деятелей культуры в защиту мира, где заметную роль в качестве представителя Советского Союза занимал знаменитый историк Е. В. Тарле [Тарле, 1988, с. 24]. 25–27 августа 1949 г. прошла Первая всесоюзная конференция, положившая начало организованному движению советских сторонников мира. Ее председателем стал директор Института истории АН СССР, академик Б. Д. Греков [Там же, с. 37–38].

Что же объединило историков и почему они были задействованы в указанных мероприятиях? Помимо высокого академического статуса и известности зарубежом, их объединяло и то, что оба были беспартийными. Их «нейтральный» статус расценивался как несомненное достоинство, поскольку дистанцировал миротворческое движение от партии (также следовало учитывать и условия антикоммунистических кампаний в западных странах), придавая ему формальный статус общественного движения. Кроме того, Б. Д. Греков на тот момент являлся еще и директором Института славяноведения АН СССР, поэтому его фигура органично вписывалась и в активное продвижение советской стороной в послевоенное время идеи славянской солидарности [Кикешев, 2008, с. 21–24]. Одновременно образ Б. Д. Грекова как академика-миротворца активно транслировался в интеллектуальную культуру всей Восточной Европы, попавшей в зону советского влияния, тем более что Б. Д. Греков активно совершал поездки по странам региона: Чехословакии, Венгрии, Польше, Болгарии, Румынии [Ковалев, 2023]. Так, рассказывая о выдвижении кандидатов в Верховный Совет СССР от Академии наук в феврале 1950 г., венгерская газета «Сабад нэп» специально останавливается на фигуре Б. Д. Грекова, называя его «академиком мира», «известным борцом за народ и демократию, неоднократно поднимавший голос в защиту мира на международных конгрессах от имени советской интеллигенции» (Néves tudósok..., 1950, 5 Old.).

Еще одним историком, в послевоенное время делегированным в международные миротворческие структуры, стал В. П. Волгин, принявший участие во Всемирном конгрессе деятелей культуры в защиту мира (25–28 августа 1948 г. Польша, в г. Вроцлав) в составе советской делегации, куда входил и Е. В. Тарле [Егорова, 2016, с. 47]. Также он был членом Всесоюзных конференций сторонников мира, проходивших в Москве в 1949, 1950, 1951, 1952 гг. В. П. Волгин не соответствует указанному выше критерию беспартийности. Наоборот, его можно причислить к проверенным бойцам партии. Однако, помимо академического статуса, он имел богатый международный опыт, принимая участие в различных международных мероприятиях еще в довоенное время [Лагно, 2012, с. 169–174].

В постсталинский период самой заметной фигурой среди историков в миротворческом движении являлся В. М. Хвостов, занимавший в 1959–1967 гг. должность директора Института истории АН СССР. Но не эта должность определяла его место в движении. Например, предыдущий директор Института истории А. Л. Сидоров в движении активного участия не принимал. Его преемник обладал рядом дополнительных компетенций и статусов, делавших его фигуру логичной для делегирования в миротворческое движение. По научной специальности он был историком международных отношений. За участие в подготовке ряда томов «Истории дипломатии» он стал дважды (1942, 1946) лауреатом Сталинской премии в составе авторского коллектива [Тихонов, 2016, с. 350, 354–355]. В 1948 г. он выступил одним из авторов книги «Фальсификаторы истории», ставшей опорой советской официальной версии причин Второй мировой войны (Фальсификаторы..., 1948). Хвостов в разные годы работал в аппарате ЦК КПСС, зани-

мал должности директора Высшей дипломатической школы МИД СССР и возглавлял кафедры международных отношений в главных «идеологических вузах». Таким образом, он являлся проверенным бойцом «исторического фронта», историком-дипломатом.

Советской властью были чрезвычайно востребованы знания Хвостовым международных отношений. Он стал транслятором советской позиции по многим злободневным вопросам текущего момента и отражал все противоречия советской внешней политики. С одной стороны, в его задачу входила пропаганда миротворческой миссии социалистических стран. Но, с другой, от него же требовалось оправдывать все резонансные внешнеполитические акции СССР. Например, в его фонде можно найти статью 1956 г. «Против извращений событий в Венгрии» (опубликована не была), в которой он доказывал, что советские войска, участвовавшие в подавлении венгерской революции, находятся там в полном соответствии с международным правом, а в эксцессах виноваты мятежники и их внешние подстрекатели (АРАН. Ф. 1667. Оп. 1. Д. 32. Л. 29–33).

В. М. Хвостов непосредственно участвовал в подготовке коллективных докладов советских делегаций на международных форумах (Там же. Д. 117). В 1958 г. вышла книга Хвостова, исторически обосновывавшая советскую миротворческую политику. Согласно ее тексту, Советский Союз с самого начала своего существования выступал за мир, а его внешняя политика строилась на «ленинских принципах мирного сосуществования» (Хвостов, 1958).

Фигура В. М. Хвостова важна для понимания роли историков в советском миротворческом движении и в силу того, что он фактически олицетворял особенности советской дисциплинарной структуры. Дело в том, что после Второй мировой войны, в условиях беспрецедентного роста международного значения СССР, происходило активное выстраивание высшего дипломатического образования (Дипломатической академии, Института международных отношений). Данный процесс еще требует внимательного изучения, однако уже ясно, что исторические дисциплины играли в нем значительную роль.

Во многом это стало следствием установки Сталина на «историзацию» дипломатии, ярко выразившуюся в многотомной «Истории дипломатии», подготовленной при активном участии В. М. Хвостова в конце 1930-х – первой половине 1940-х гг. Фактически здесь повторялась модель «Краткого курса истории ВКП (б)», когда предполагалось дать теорию марксизма-ленинизма через конкретно-исторические примеры. Теперь через историю дипломатии намеревались дать картину международных отношений советским дипломатам. После войны это выразилось в том, что международные отношения определялись в большей степени как историческая дисциплина. Фактически эта же установка была воспроизведена и в новом издании «Истории дипломатии», инициированном в 1957 г. (О новом издании..., 2015, с. 581–586) на волне перестройки советской системы дипломатии и создания Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами при Совете министров СССР (ГККС), задачей которого стало улучшение внешнеполитической пропаганды. В. М. Хвостов вновь стал одним из ведущих руководителей проекта.

Таким образом, В. М. Хвостов представлял тип историка-дипломата «старой закалки». В миротворческом движении он выступал в большей степени как, пусть идеологизированный и несколько архаичный, специалист по текущим международным отношениям, а не историк. Отсюда акцент на актуальную ситуацию, а не ее историческую ретроспективу.

Советские историки в Пагуошском движении

Активное участие В. М. Хвостова в миротворческих акциях совпало со временем становления Пагуошского движения. Важность и значимость этого движения заключается в том, что инициатива исходила от авторитетных представителей науки из разных стран. История Пагуошских встреч берет начало в 1955 г. и связана с выдающимися учеными, лауреатами Нобелевской премии Ф. Жолио-Кюри, Б. Рассела и А. Эйнштейна [Рыжов, Лебедев, 2005, с. 491]. Именами двух последних был назван Манифест, обнародованный 9 июля 1955 г. и содержащий призыв-обращение к коллегам по научному цеху: «Мы должны научиться мыслить по-новому. Мы должны научиться спрашивать себя не о том, какие шаги надо предпринять для достиже-

ния военной победы тем лагерем, к которому мы принадлежим, ибо таких шагов больше не существует; мы должны задавать себе следующий вопрос: какие шаги можно предпринять для предупреждения вооруженной борьбы, исход которой должен быть катастрофическим для всех ее участников?» [Там же, с. 492]. Показательно, что инициаторы создания международного движения ученых в борьбе за мир изначально не мыслили его без участия советских коллег. Б. Рассел обсуждал его на встрече с академиком А.В. Топчиевым в Уэльсе в октябре 1956 г. Британский ученый предложил не включать в работу международных встреч ученых политические требования. Все участники грядущей конференции по проблемам мира и разоружения должны выступать именно как ученые, а не как политические деятели, и придерживаться при обсуждении тех или иных вопросов только конкретной повестки (АРАН. Ф. 2193. Оп. 1. Д. 2. Л. 2).

Первая конференция ученых, на которой обсуждались проблемы мирного сосуществования, состоялась 7–11 июля 1957 г. в канадском городке Пагуош. Именно она положила начало международному движению ученых. В основе его деятельности лежало решение таких проблем, как предотвращение новой войны, укрепление мира, прекращение гонки вооружений и разоружение, обеспечение международной безопасности. Важнейшим элементом был назван «отказ от применения силы и угрозы силой в международных отношениях» (АРАН. Ф. 2193. Оп. 1. Д. 199. Л. 1). Главными действующими лицами Пагуошского движения были физики (преимущественно занимавшиеся ядерными исследованиями) из стран Запада и Востока, получившие персональные приглашения на эту встречу. Советскую науку на ней представляли академики физик Д.В. Скобельцын и химик А.В. Топчиев, член-корреспондент биофизик А.М. Кузин. С начала 1960-х гг. в Пагуошском движении принимал участие В.М. Хвостов. Он не только являлся постоянным участником Пагуошских конференций ученых [Хайцман, 1976], но и в конце 1963 г. был избран заместителем Советского Пагуошского комитета и членом Международного Пагуошского комитета [Тарле, 1988, с. 127]. В 1967 г. на XVII Пагуошской конференции он выступил с докладом «Советский Союз и проблемы европейской безопасности», в котором повторял уже указанные выше положения (АРАН. Ф. 1667. Оп. 1. Д. 109).

Следует обратить внимание на тот факт, что ученые-историки были представлены в большей степени именно в Пагуошских национальных комитетах социалистических стран. Их было немного, но это были влиятельные в научном и/или идеологическом персоне. Среди таковых в разные годы находим имена Кароля Лаптера, заведующего кафедрой всеобщей истории Высшей школы общественных наук при ЦК Польской объединенной рабочей партии в 1957–1968 гг., Юргена Кучинского, директора Института экономического истории АН ГДР [Kraft, 2022, p. 22, 100, 104], профессоров Карлова университета в Праге Зденека Неедлы, Йозефа Мацека и Вацлава Гусы (АРАН. Ф. 2193. Оп. 1. Д. 86. Л. 2). Можно предположить, что делегирование ученых-историков в Пагуошское движение было связано не просто с идеологическими причинами, но со спецификой развития политической науки, теории международных отношений и дипломатии в странах Восточного блока. На историков ложился широкий спектр задач, связанных не только с постижением прошлого, но также настоящего и будущего. На Западе же институционализация общественных и гуманитарных наук шла другими путями, а потому в Пагуошское движение ученых, а равно и иные транснациональные экспертные сообщества, включались профессиональные специалисты-международники, к каковому, к примеру, относился участник многих Пагуошских конференций Генри Киссинджер.

В.М. Хвостов, как уже было оговорено, считался влиятельной общественной фигурой, пользовавшейся доверием в верхах власти. Потому его участие в Пагуошском движении ученых явно было санкционировано на самом высоком уровне. В историографии уже отмечено, что близкие к Кремлю фигуры неизменно участвовали в Пагуошских конференциях. Но в то же время и для США был характерен тщательный отбор состава своих делегатов [Kraft, 2022, p. 22].

Проблема разоружения считалась настолько актуальной, что 5 апреля 1963 г. Президиум АН СССР постановил открыть в возглавляемом Хвостовым Институте истории Сектор по истории проблем разоружения. Документация данного сектора не сохранилась. Однако можно с уверенностью говорить, что работу этого подразделения нельзя считать хоть сколько-нибудь продуктивной с научной точки зрения. Скорее оно играло декоративную роль и демонстриро-

вало вышестоящим органам то, что Институт истории находится на передовой актуальной проблематики. В 1967 г. сектор был понижен в статусе и реорганизован в научную группу [Институт..., 2021, с. 624–625].

Пагуошское движение ученых изначально формировалось вокруг обсуждения угрозы ядерной войны и перспектив разоружения. Это обстоятельство предопределяло круг участников. Главными действующими лицами, как уже говорилось, были ученые-физики. Однако по мере расширения проблематики пагуошских встреч расширялся и круг участников. Так, например, в 1966 г. на XXVI Пагуошской конференции в болгарском городе Сопоте представители Фонда Форда выступили с инициативой не ограничиваться обсуждением исключительно проблемами разоружения, но включить в круг вопросов и иные актуальные проблемы, например, загрязнение окружающей среды. Также были высказаны пожелания усилить обсуждение проблем развивающихся стран, прежде всего касающиеся поддержки их экономического развития (АРАН. Ф. 2193. Оп. 1. Д. 192. Л. 5). Представители европейских социалистических стран в Пагуошском движении поначалу настороженно отнеслись к подобным предложениям. На официальном уровне они продолжали критиковать их вплоть до середины 1970-х гг. Свидетельством того является резолюция совещания представителей национальных Пагуошских комитетов социалистических стран в Варшаве 10–16 июня 1976 г., в которой фиксировалось, что целью объединения ученых должно быть именно обсуждение проблем разоружения, причем не только ядерного. Для дискуссий по иным глобальным проблемам существуют иные международные объединения (Там же. Л. 6).

В реальности же и советские представители, и представители иных социалистических стран приспосабливались под новый круг дискутируемых проблем, включались в обсуждение новых тем и сюжетов, расширяли при этом состав своих представителей. Потому, например, на встрече в Варшаве в 1976 г. представители социалистических стран критиковали расширение тематики Пагуошских встреч, но уже в 1977 г. на XXVII конференции в Мюнхене живо участвовали в обсуждении проблем энергетики, мировых ресурсов и роста населения, опасности глобального загрязнения окружающей среды, взаимодействия науки, ученых и общества (АРАН. Ф. 2193. Оп. 1. Д. 205. Л. 1).

Архивные документы свидетельствуют, что если в начале 1960-х гг. едва ли не единственным советским историком, участвовавшим в Пагуошских встречах, был В. М. Хвостов, то уже в 1970–1980-е гг. круг ученых-гуманитариев заметно расширился. Среди них находим имена советских историков, специализировавшихся на новейшей истории отдельных регионов мира: британиста Владимира Григорьевича Трухановского (1914–2000), арабиста Евгения Максимовича Примакова (1929–2015), американиста Георгия Аркадьевича Арбатова (1923–2010) и др. Расширение состава советских участников было явно вызвано углублением региональных проблем, усложнением социально-политических процессов в странах третьего мира.

В официальных отчетах советского Пагуошского комитета, как, например, в отчете за 1976 г., шаблонно констатировалось четкое и слаженное отстаивание участниками принципов советской внешней политики, среди которых назывались «борьба за устранение опасности новой войны, за сохранение и упрочение мира, прекращение гонки вооружений» (АРАН. Ф. 2193. Оп. 1. Д. 199. Л. 1). Следует признать, что, несмотря на явный идеологический шлейф подобных утверждений, они в целом коррелировались и с настроениями иностранных участников Пагуошских встреч. Так, по итогам симпозиума, состоявшегося 23–26 ноября 1976 г. в городе Фелдафинге (ФРГ), констатировалось: «В XVIII веке большинство стран, участвовавших в войнах, считали, что войну можно выиграть и решить поставленные задачи. Поэтому они и участвовали в войнах. Ныне положение коренным образом изменилось. В результате новой мировой войны, если она разразится, не будет ни победителей, ни побежденных <...> Современное оружие нельзя считать средством решения споров между государствами: оно уничтожит человечество» (АРАН. Ф. 2193. Оп. 1. Д. 197. Л. 4).

Хотя официально декларировалось, что все советские участники Пагуошских встреч независимы в своих рассуждениях и выступлениях, в реальности их выступления строго регламентировались утвержденными наверху сценариями, причем, согласно имеющимся архивным

материалам, в большей степени это относилось именно к ученым-гуманитариям и общественникам, в том числе к историкам. В директивных указаниях академику Г. А. Арбатову, данных в преддверии XXX Пагуошской конференции в Торонто в 1978 г., предписывалось «проводить линию решительного осуждения американских планов создания и размещения нейтронного оружия в Европе». Вместе с тем ему предписывалось в выступлениях и частных беседах «пользоваться только материалами, прошедшими Главлит и опубликованными в открытой печати, руководствуясь решениями XXV съезда КПСС, основополагающими выступлениями тов. Л. И. Брежнева по проблемам внешней политики и международного сотрудничества» (АРАН. Ф. 2193. Оп. 1. Д. 218. Л. 1).

В 1970-е гг. В. Г. Трухановский, занимавший пост главного редактора журнала «Вопросы истории», вошел в состав международного Постоянного комитета Пагуошского движения от советских ученых (наряду с физиком М. А. Марковым и химиком О. А. Реутовым). Он, в частности, принимал участие в XXIV Пагуошской конференции в австрийском городе Баден, проходившей 28 августа – 2 сентября 1974 г. Конференция была примечательна тем, что обсуждала перспективы процесса нормализации межгосударственных отношений в свете начавшейся в 1973 г. работы Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. В отчете по итогам встречи В. Г. Трухановский констатировал: «Конференция решила, что “процесс разрядки и возрастающее доверие между государствами являются преобладающей тенденцией в сегодняшней Европе. Мирное сосуществование всех государств стало теперь незыблемым принципом международных отношений в Европе. Дальнейшее укрепление доверия между Востоком и Западом должно стать кровным делом правительств, организаций, групп и отдельных лиц. Поддержание мира в Европе имело бы также большое значение для укрепления мира в других частях света”» (Трухановский, 1974, с. 165–167). К слову, Пагуошское движение ученых не стояло в стороне от Хельсинского процесса. Так, в апреле 1974 г. был проведен специальный симпозиум «Политическая ситуация в Европе: гонка вооружений и перспективы разоружения». В отчете А. О. Чубарьяна, который присутствовал на этом симпозиуме, было зафиксировано, что все делегаты отмечали существенные сдвиги в сторону ослабления напряженности в Европе и выражали надежды на развитие межгосударственного доверия, подчеркивали важность одновременно политической и военной разрядки. Чубарьян отметил активизацию различных общественных движений, способных сыграть важную роль в утверждении того политического и психологического климата, который создаст необходимые предпосылки для углубления процесса мирной разрядки в Европе (АРАН. Ф. 2193. Оп. 1. Д. 176. Л. 1–3).

В. Г. Трухановский принимал участие в XXV Пагуошской конференции, проходившей в индийском Мадрасе 13–19 января 1976 г., которая была посвящена проблемам развития, ресурсов и международной безопасности (АРАН. Ф. 2193. Оп. 1. Д. 199. Л. 2), в XXVI Пагуошской конференции 26–31 августа 1976 г. в городе Мюльхаузене (ГДР) по теме «Разоружение, безопасность и развитие» (Там же. Л. 2), в XXVII конференции в Мюнхене (24–29 августа 1977 г.) (АРАН. Ф. 2193. Оп. 1. Д. 205. Л. 1) и др. В. Г. Трухановский выступал на конференциях с конкретными проблемными докладами, как, например, в 1980 г. на XXX конференции в Брёклене (Нидерланды) с докладом «Дестабилизирующая обстановка в Индийском океане» (АРАН. Ф. 2193. Оп. 1. Д. 245. Л. 6–7). Примечательно, что на этой же конференции знаменитый физик, Нобелевский лауреат Илья Михайлович Франк (1908–1990) сделал доклад о важности сотрудничества ученых, в котором обосновывал недопустимость игнорирования друг друга представителями академического сообщества. Это было связано с тем, что Национальная академия наук США высказывалась за бойкот советских ученых в свете вмешательства СССР в дела Афганистана (АРАН. Ф. 2193. Оп. 1. Д. 245. Л. 15).

Если вернуться к фигуре В. Г. Трухановского, то его участие в Пагуошском движении ученых выразилось и в конкретных научных результатах. В 1985 г. была опубликована его книга «Английское ядерное оружие. Историко-политический аспект» (Трухановский, 1985). Интересный факт: в процессе работы над книгой В. Г. Трухановский обращался за консультациями к знаменитому британскому физика Рудольфу Пайерлсу (1907–1995), который был в числе основателей Пагуошского движения. В письме от 30 июля 1984 г. В. Г. Трухановский интересо-

вался: «Вы были инициатором создания Англией атомной бомбы и вот уже много лет боретесь за запрещение ядерного оружия, за разоружение. Было бы интересно узнать, когда и почему изменилась Ваша позиция, какие у Вас были мысли, когда наступил перелом, что привело Вас в ряды Пагуошского движения и т.п.» (АРАН. Ф. 2125. Оп. 1. Д. 102. Л. 1).

С середины 1970-х гг. в деятельности Пагуошского движения все отчетливее звучит африканская проблематика, что было связано с угрозой разрастания гражданских военных конфликтов на континенте, апартеидом в ЮАР и угрозой появления в этой стране ядерного оружия, трудностями социально-экономического развития. В январе 1975 г. Панафриканская Пагуошская группа провела в Египте первую встречу по обсуждению африканских проблем. Вторая конференция состоялась в мае – июне 1978 г. в Гане. В центре внимания участников оказались глобальные проблемы современности, их воздействие на конкретную политическую ситуацию в странах Африки, а также взаимосвязь социально-экономического развития с международной безопасностью (АРАН. Ф. 2193. Оп. 1. Д. 301. Л. 6). Советские представители в этих мероприятиях не участвовали. Лишь в 1984 г. на тематический семинар «Африканская безопасность – последствия и взаимосвязи, связь с кризисом в Намибии», проходивший в Каире (31 октября – 4 ноября), приехали двое советских ученых: Алексей Михайлович Васильев (род. 1939), занимавший в ту пору пост заместителя директора Института Африки АН СССР, и Владимир Борисович Кокорев (род. 1954), в то время – младший научный сотрудник того же института. А. М. Васильев специализировался на истории Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки в XVIII–XX вв., В. Б. Кокорев занимался изучением международных связей молодых африканских государств. Первый сделал доклад «Американо-южноафриканские маневры на юге Африки – источник нестабильности и угроза международному миру», второй – доклад «Группа “прифронтовых” государств и региональная безопасность на юге Африки» (Там же. Л. 7–8).

В СССР к этому семинару проявили большое внимание, поскольку он мог дать возможность представить советский взгляд на политику в отношении африканских государств (Там же. Л. 5). В центре внимания семинара оказались такие вопросы, как: последствия глобальной и стратегической конфронтации, роль и значение ООН, Организации африканского единства, Движения неприсоединения для разрешения конфликтов и безопасности Африки, вопросы безопасности и социально-экономического трудности, проблемы развития и политическая нестабильность, проблемы Намибии (неоколониализм и освободительное движение) (Там же. Л. 1). На конференции были обсуждены конкретные меры по разработке механизмов контроля и предотвращения пограничных и межгосударственных конфликтов в Африке, которые должны быть направлены в первую очередь на предотвращение иностранного военного вмешательства (Там же. Л. 11). Следует отметить, что в итоговую резолюцию конференции по инициативе советских участников был внесен пункт о важности предотвращения термоядерной войны, включавший требование о «неприменении ядерного оружия первыми, неприменении ядерного оружия против государств, отказывающихся от его производства, приобретения и размещения на своей территории, нераспространении зоны действия существующих военно-политических группировок, ликвидации существующих и отказе от создания новых военных баз в Африке, создания в Африке безъядерной зоны, отказе от использования космического пространства в военных целях, сокращении военных расходов и направлении части высвободившихся средств на нужды развития Африки и других развивающихся стран мира, замораживание гонки вооружений» (Там же. Л. 9–10).

Заметный сдвиг в риторике советских участников наблюдался в эпоху перестройки. В этой связи именно гуманитариям было отведено место глашатаев «нового политического мышления». Новые веяния проявили себя уже на заседаниях XXXV Пагуошской конференции, посвященной безопасности Латинской Америки, организованной в бразильском городе Кампинас 1–10 июля 1985 г. Основными задачами советской делегации в директивных указаниях были названы «пропаганда и разъяснение мирных инициатив, касающихся борьбы за мир, разоружение, против опасности ядерной войны» (АРАН. Ф. 2193. Оп. 1. Д. 313 Л. 1). Это было начало перестройки, потому советским делегатам было предписано опираться на положения апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, а также выступления М. С. Горбачева и

А. А. Громыко в прессе. Среди историков в симпозиуме участвовали В. Г. Трухановский, Г. А. Арбатов и латиноамериканист Анатолий Николаевич Глинкин (1926–2006) (Там же. Л. 4). Во время заседаний А. Н. Глинкин отстаивал необходимость прекращения вмешательства США в дела Центральной Америки, особенно в свете вооруженной интервенции в Никарагуа. По итогам обсуждений было принято решение «направить послания президентам Рейгану и Ортеге, широко использовать национальные пагуошские группы в США, в других странах Запада, в крупнейших латиноамериканских государствах для воздействия на общественное мнение и правительственные круги в целях мирного урегулирования конфликта в Центральной Америке, добиться опубликования во влиятельных органах печати материалов о возможных опасных последствиях обострения конфликта в Центральной Америке, направить в Никарагуа, а также в Сальвадор специализированные группы ученых для оказания им помощи в тех областях, где она срочно необходима» (Там же. Л. 10). В. Г. Трухановский участвовал в работе группы по проблемам нарастания военного присутствия в Южной Атлантике, фокусировавшегося в то время вокруг Мальвинских (Фолклендских) островов, и дискуссий вокруг создания Организации Южноатлантического договора (САТО), вопросам будущего Антарктиды, борьбы с апартеидом в ЮАР (Там же. Л. 30–33).

Далеко не все советские участники в идиллических тонах смотрели на трансформацию миропорядка. Это хорошо видно на примере конференции по безопасности и сотрудничеству в Южной Атлантике, проходившей 28–31 октября 1990 г. в Буэнос-Айресе. Историк-африканист В. Б. Кокорев, посетивший это мероприятие, констатировал: «И в Африке, и в Латинской Америке высказывают беспокойство в связи с изменением конфигурации глобальных международных противоречий. В отказе от конфронтации и переходе Востока и Запада к сотрудничеству Третий мир видит реальную угрозу своим интересам. Предсказать все последствия этого процесса сегодня сложно. Во всяком случае, действительность завтрашнего дня будет, по всей видимости, далека от тех идиллических представлений, которые у нас еще недавно вызывали мечты об окончании “Холодной войны”» (АРАН. Ф. 2193. Оп. 1. Д. 388. Л. 3).

Заключение

В историографии не раз отмечалось, что советские историки на международной общественно-политической арене продвигали официальные советские исторические нарративы, используя прошлое как символический ресурс. Однако на примере Пагуошского движения этого не заметно. Те немногочисленные ученые-историки, которые принимали участие в конференциях и семинарах, были ориентированы не столько на осмысление прошлого, сколько на постижение и понимание настоящего. Если судить по выявленным архивным материалам, то использование исторических параллелей было не более чем риторическим приемом, да и то сравнительно редким.

Важно заметить, что если на Западе активно шла институционализация политологических исследований, складывались свои конкурирующие школы, различные научные направления, то в СССР оценка тенденций современного глобального и регионального развития ложилась на ученых-историков. Это объясняется спецификой советской дисциплинарной структуры, в которой международные отношения в значительной степени являлись исторической дисциплиной.

Конечно, это не исключало исторических экскурсов, но все же в центре внимания находились конкретные современные проблемы, такие как апартеид в ЮАР, Ближневосточный кризис, гражданские конфликты в Африке и др. Тем не менее нельзя не заметить качественного сдвига в развитии советского экспертного сообщества, представленного на Пагуошских встречах. Если сохранившиеся доклады В. М. Хвостова, по сути, представляют набор идеологических штампов, то экспертные заключения 1980-х гг., в особенности по проблемам Африки и Латинской Америки, были подготовлены на высоком профессиональном уровне. Здесь можно увидеть серьезную эволюцию советской теории и истории международных отношений от устаревших конструкций в стиле сталинской «Истории дипломатии», носителем традиций и олицетворением которых был В. М. Хвостов, к более современной аналитике нового поколения историков-международников.

Список источников

- Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1667. Оп. 1. Д. 32. Л. 29–33; Д. 109; 117; Ф. 2193. Оп. 1. Д. 2. Л. 2; Д. 86. Л. 2; Д. 176. Л. 1–3; Д. 192. Л. 5, 6; Д. 197. Л. 4; Д. 199. Л. 1, 2, 6; Д. 205. Д. 1; Д. 218. Л. 1; Д. 245. Л. 6–7, 15; Д. 301. Л. 1, 5–11; Д. 313. Л. 1, 4, 10, 30–33; Д. 388. Л. 3; Ф. 2125. Оп. 1. Д. 105. Л. 1.
- Трухановский В.Г.* Советские ученые в борьбе за мир: Пагуош // Вопросы истории. 1974. № 12. С. 165–167.
- Трухановский В.Г.* Английское ядерное оружие. Историко-политический аспект. М.: Международные отношения, 1985. 230 с.
- Хвостов В.М.* 40 лет борьбы за мир. Краткий очерк. М.: Госполитиздат, 1958. 160 с.
- О новом издании «Истории дипломатии» и «Дипломатического словаря»: Постановление ЦК КПСС от 21 февраля 1957 г. Строго секретно // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. В 3 т. Т. 2. Постановления. 1954–1958 / гл. ред. А.А. Фурсенко. 2-е изд., испр. и доп. М., 2015. С. 581–586.
- Фальсификаторы истории. Историческая справка. М.: ОГИЗ, 1948. 81 с.
- Neves tudósok a Legfelső Tanács képviselőjelöltjei között // Szabad Nép, 1950. 14. Február. 8. Évfolyam. 38. Szám. 5. Old.

Библиографический список

- Егорова Н.И.* «Народная дипломатия» ядерного века: движение сторонников мира и проблема разоружения, 1955–1965 годы. М.: Аквилон, 2016. 320 с.
- Институт российской истории РАН. 1936–2021. Очерк истории. Библиографический словарь. М.: ИРИ РАН, 2021. 656 с.
- Кикешев Н.И.* Всеславянский комитет – культурный и информационный центр славянского движения в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2008. № 11. С. 21–24.
- Кларк К.* Москва, четвертый Рим. Сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941). М.: Новое литературное обозрение, 2018. 520 с.
- Ковалев М.В.* «За укрепление мира и дружбы»: архивные материалы о международной деятельности академика А.М. Румянцева // Россия XXI. 2020a. № 3. С. 116–135.
- Ковалев М.В.* «За укрепление мира и дружбы»: архивные материалы о международной деятельности академика А.М. Румянцева // Россия XXI. 2020b. № 4. С. 24–45.
- Ковалев М.В.* «Люди, с которыми мне приходилось встречаться, проявляли к советскому ученому очень много внимания»: визит академика Б.Д. Грекова в Будапешт в 1948 г. // Россия XXI. 2023. № 1. С. 30–53.
- Лагно А.Р.* Вячеслав Петрович Волгин. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. 248 с.
- Пивоваров Н.Ю., Тихонов В.В., Шок Н.П.* Миротворческое движение СССР в конце 1940-х – начале 1960-х годов: христианские конфессии и этика международного гуманистического диалога // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2021. № 74. С. 55–65.
- Попов А.Д.* Печи Освенцима и пепел Хиросимы: страх войны в режиссуре советских массовых мероприятий 1950–1980-х годов // Новое литературное обозрение. 2020. № 2(162). С. 140–157.
- Ратманов П.Э.* Советское здравоохранение на международной арене в 1920–1940-х гг.: между «мягкой силой» и пропагандой (Западная Европа и США). Хабаровск: Изд-во ДВГМУ, 2021. 388 с.
- Рыжов Ю.А., Лебедев М.А.* Ученые Академии наук в Пагуошском движении // Вестник РАН. 2005. Т. 75, № 6. С. 491–497.
- Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945–1989: коллективная монография / О.Ю. Никонова, А.Д. Попов, Т.В. Раева [и др.]. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 446 с.
- Тарле Г.Я.* Движение сторонников мира в СССР. М.: Наука, 1988. 235 с.
- Тихонов В.В.* Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 гг.). М.: Нестор-История, 2016. 424 с.
- Хайцман В.М.* В.М. Хвостов в Пагуошском движении // Вопросы истории внешней политики СССР и международных отношений. М.: Наука, 1976. С. 46–61.

Шок Н.П., Пивоваров Н.Ю. «За мир во всем мире»: гуманизм и этика глобальной безопасности в ракурсе идеологической политики советского руководства // Диалог со временем. 2019. № 68. С. 340–355.

Kraft A. From Dissent to Diplomacy: The Pugwash Project During the 1960s Cold War. Berlin: Springer, 2022. 140 p.

Lüscher F. The Nuclear Spirit of Geneva: Boundary-Crossing Relationships of Soviet Atomic Scientists after 1955 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 2018. Bd. 66. H. 1. P. 20–44.

Rubinson P. «Crucified on a Cross of Atoms»: Scientists, Politics, and the Test Ban Treaty // Diplomatic History. 2011. Vol. 35, no. 2. P. 283–319.

Sembritzki L. Maiak 1957 and its Aftermath: Radiation Knowledge and Ignorance in the Soviet Union // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 2018. Bd. 66. H. 1. P. 45–64.

Sher G.S. From Pugwash to Putin: A Critical History of US–Soviet Scientific Cooperation. Bloomington, Indiana: Indiana University Press, 2019. 306 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 09.10.2023

THE FIGURE OF AN INTERNATIONAL HISTORIAN IN THE SOVIET PEACEKEEPING MOVEMENT IN THE SECOND HALF OF THE 1940s – 1980s

V. S. Gruzđinskaya

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Leninsky av., 32a, 119334, Moscow, Russia
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Dmitry Ulyanov str., 19, 117292, Moscow, Russia

vik11910314@yandex.ru

SPIN: 9159-0472

ResearcherID: B-7752-2019

Scopus Author ID: 57219342307

M. V. Kovalev

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Leninsky av., 32a, 119334, Moscow, Russia

kovalevmv@yandex.ru

SPIN: 5588-6431

Researcher ID: C-6747-2014

Scopus Author ID: 53984354100

V. V. Tikhonov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Dmitry Ulyanov str., 19, 117292, Moscow, Russia

Archive of the Russian Academy of Sciences, Novocheremushkinskaya str., 34, 117218, Moscow, Russia

tihonovvitaliy@list.ru

SPIN: 1137-0222

ResearcherID: G-5553-2016

Scopus Author ID: 55480752700

The paper examines the role of international historians within the Soviet peacekeeping movement from the second half of the 1950s to the 1980s, with a particular focus on the Pugwash Conferences on Science and World Affairs. By analyzing published materials and archival documents from the Archive of the Russian Academy of Sciences, the study explores the intellectual contributions of international historians to the organizational, rhetorical, and ideological aspects of the peacekeeping movement formation. The authors focuses on prominent figures, such as V.M. Khvostov, a historian of diplomacy, V.G. Trukhanovsky, a British Studies scholar, E.M. Primakov, an expert in Arab Studies, G.A. Arbatov, an Americanist, A.N. Glinkin, a specialist in the Latin American Studies, and A.M. Vasiliev and V.B. Kokorev, Africanists. The research challenges the notion that historical symbols played a significant role in Soviet peacekeeping rhetoric, highlighting instead that international historians primarily acted as analysts of contemporary international relations, rarely drawing on the past as a symbolic resource. The figure of an international historian performing a diplomatic mission reflects the specifics of the Soviet disciplinary structure, where international relations have been integrated into historical disciplines since the time of Stalin. Khvostov personified this

tradition. The authors trace the evolution of themes discussed at the Pugwash conferences and how Soviet representation within these conferences changed depending on this. While the early conferences focused on the threat of nuclear war and the prospects for disarmament, the range of topics expanded noticeably in subsequent years. For example, since the mid-1970s, African problems have gained increasing prominence in the activities of the Pugwash movement, requiring the involvement of relevant specialists. The paper demonstrates the evolution of Soviet analytics of international relations presented at the Pugwash conferences, transitioning from ideologized techniques and analytical structures in the spirit of the 1940s to a more modern and pragmatic approach. This shift indicates an increasing level of expertise among Soviet historians of international relations.

Key words: Soviet peacekeeping movement, the Pugwash Conferences on Science and World Affairs, international historians, history of international relations, Soviet Historiography.

References

- Clark, K. (2018), *Moskva, chetvertyy Rim. Stalinizm, kosmopolitizm i evolyutsiya sovetskoy kul'tury (1931–1941)* [Moscow, fourth Rome. Stalinism, cosmopolitanism and the evolution of Soviet culture (1931–1941)], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia, 520 p.
- Egorova, N.I. (2016), “*Narodnaya diplomatiya*” *yadernogo veka: Dvizhenie storonnikov mira i problema razoruzheniya, 1955–1965 gody* [“People’s Diplomacy” of the Nuclear Age: The Peace Movement and the Problem of Disarmament, 1955–1965], *Akvilon*, Moscow, Russia, 320 p.
- Haytsman, V.M. (1976), “V.M. Khvostov in the Pugwash Movement”, in *Voprosy istorii vneshney politiki SSSR i mezhdunarodnykh otnosheniy* [Questions of the history of foreign policy of the USSR and international relations], *Nauka*, Moscow, USSR, pp. 46–61.
- Institut rossiyskoy istorii RAN. 1936–2021. Ocherk istorii. Biobibliograficheskiy slovar'* (2021) [Institute of Russian History RAS. 1936–2021 History essay. Biobibliographic dictionary], *IRI RAN*, Moscow, Russia, 656 p.
- Kikeshev, N.I. (2008), “The All-Slavic Committee is the cultural and information center of the Slavic movement during the Great Patriotic War”, *Voенно-istoricheskiy zhurnal*, № 11, pp. 21–24.
- Kovalev, M.V. (2020a), ““For the Strengthening of Peace and Friendship”: Archival Materials on the International Activities of Academician A.M. Rumyantseva”, *Rossiya XXI*, № 3, pp. 116–135.
- Kovalev, M.V. (2020b), ““For the Strengthening of Peace and Friendship”: Archival Materials on the International Activities of Academician A.M. Rumyantseva”, *Rossiya XXI*, № 4, pp. 24–45.
- Kovalev, M.V. (2023), ““People I met showed a lot of attention to the Soviet scientist”: visit of Academician B.D. Grekov to Budapest in 1948”, *Rossiya XXI*, № 1, pp. 30–53.
- Lagno A.R. (2012), *Vyacheslav Petrovich Volgin* [Vyacheslav Petrovich Volgin], *Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta*, Moscow, Russia, 248 p.
- Nikonova, O.Yu., Popov, A.D. & T.V. Raeva (eds.) (2018), *Sovetskaya kul'turnaya diplomatiya v usloviyakh Holodnoy voyny. 1945–1989: kollektivnaya monografiya* [Soviet cultural diplomacy in the conditions of the Cold War. 1945–1989: collective monograph], *Politicheskaya entsiklopediya*, Moscow, Russia, 446 p.
- Pivovarov, N.Yu., Tihonov, V.V. & N.P. Shok (2021), “Peacekeeping movement of the USSR in the late 1940s - early 1960s: Christian denominations and the ethics of international humanistic dialogue”, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, № 74, pp. 55–65.
- Popov, A.D. (2020), “Ovens of Auschwitz and Ashes of Hiroshima: Fear of War in Directing Soviet Mass Events in the 1950s–1980s”, *Novoe literaturnoe obozrenie*, № 2, pp. 140–157.
- Ratmanov, P.Ye. (2021), *Sovetskoe zdravoohranenie na mezhdunarodnoy arene v 1920–1940-h gg.: mezhdru “myagkoy siloy” i propagandoy (Zapadnaya Evropa i SShA)* [Soviet health care in the international arena in the 1920s–1940s: between “soft power” and propaganda (Western Europe and the USA)], *Izdatel'stvo DVGUMU*, Khabarovsk, Russia, 388 p.
- Ryzhov, Yu.A. & M.A. Lebedev (2005), “Scientists of the Academy of Sciences in the Pugwash Movement”, *Vestnik RAN*, vol. 75, № 6, pp. 491–497.
- Shok, N.P. & N.Yu. Pivovarov (2019), ““For World Peace”: Humanism and Ethics of Global Security from the Perspective of the Soviet Leadership's Ideological Policy”, *Dialog so vremenem*, № 68, pp. 340–355.
- Tarle, G.Ya. (1988), *Dvizhenie storonnikov mira v SSSR* [Peace movement in the USSR], *Nauka*, Moscow, USSR, 235 p.
- Tihonov, V.V. (2016), *Ideologicheskie kampanii “pozdnego stalinizma” i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-h – 1953 g.)* [Ideological Campaigns of “Late Stalinism” and Soviet Historical Science (mid-1940s–1953)], *Nestor-Istoriya*, Moscow, Russia, 424 p.